

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Алексей Романов

БЕЗ ТРУБ И БАРАБАНОВ

Рецензия на книгу Г.А. Яковлева
«До первых белых мух... (Пересказ записок Кукина)»,
Рига, 2009

Событие, послужившее темой для нашего рассказа, печально и неинтересно. И само повествование, хотя и поучительное, окажется настолько неинтересным, что не заслуживает собственного названия. Поэтому и настоящее заглавие вовсе не заглавие для нашей рецензии, а отсылка к известному литературному анекдоту, который мы и напомним читателю в конце нашего изложения, дабы несколько исправить мрачное впечатление от прочитанного.

Фабула нашей грустной истории такова. Московский фонд поддержки соотечественников им. Ю. Долгорукого в 2009 году присудил литературную премию за «весомый вклад в развитие художественных традиций русской литературы и русского языка в зарубежных странах» нашему рижанину. Какого же автора избрала опытная в вопросах русского языка и литературы комиссия? Не просто далеко не интеллектуала, но малокультурного в языковом отношении, а те, кто такого автора высоко оценивал, вероятно, обладают теми же малопривлекательными качествами. А как иначе? Во всяком случае с полным основанием такое предположение относится к редактору книги г-на Яковлева «До первых белых мух... (Пересказ записок Кукина)» и автору предисловия Людмиле Межиныц, как значится, даже члену Союза писателей России.

Конечно, в этой истории меньше всего виноват сам автор Г.А. Яковлев, не сам же он присудил себе эту премию. В конце концов пишет о чем и как может в свое удовольствие. Издание и тираж в 200 экземпляров тоже не преступление, да и личной неприязни к автору у меня нет, а к выбранному им жанру есть даже личная симпатия. Но все-таки не будем забывать и о традициях русской классической литературы, главная из которых, на мой взгляд — учиться думать на хорошем русском языке. Потому и в нашей рецензии будем обращать внимание прежде всего на русский язык и мысли, ибо отсутствие таковых несет отнюдь не нейтральный, но отрицатель-

ный эффект. Как для языка, так и для мысли, то есть для души. Поэтому и повествование выходит, как мы говорили, печальное и неинтересное — из-за необходимости цитировать как раз те фрагменты, которые ну никак не могут быть «весомым вкладом в развитие художественных традиций русской литературы и русского языка в зарубежных странах», а могут быть только, что называется, наоборот. Ведь читателю придется все это, простите за тавтологию, читать, а мне, рецензенту, пришлось перелистать книгу вдоль и поперек. Это все равно, что говорить с косноязычным собеседником безо всякой надежды его поправить. Угнетающее состояние. А если приниматься за такое чтение именно после классической русской литературы, то и до тяжелого невроза недалеко. К печальному сожалению, как увидит читатель, это вовсе не преувеличение.

Однако к делу. Начнем с предисловия редактора, а потом займемся и самой отредактированной книгой. Орфографические, синтаксические и стилистические ошибки (культура речи), мелочи стилистики трогать не будем, но наиболее яркие стилистические нелепицы обязательно отметим.

Что же мы находим на единственной странице предисловия редактора? Из шести предложений (с. 3) редактор и член Союза писателей России умудрилась только в одном, а именно в самом коротком, во втором, не сделать ни стилистических, ни синтаксических ошибок. Зато первое же предложение особенно замечательно по своей корявости и синтаксической безграмотности, вот оно: «Зная автора много лет, наблюдая за развитием его творчества, можно сказать, в рабочем процессе, по черновым рукописям, постоянно дополняющимся новыми деталями и, наконец, воплотившимися в эту книгу, создавалось мое мнение о его индивидуальности». С изумлением мы тут видим две вещи: сначала «по рукописям» согласуется с определением-причастием в дательном падеже (*дополняющимся*),

что верно, а вот во второй раз те же «по рукописям» — отчего-то в творительном («воплотившись»), что уже неверно никак, а деепричастный оборот «зная» и «наблюдая» оказывается не имеющим общего с глаголом-сказуемым субъекта действия: «зная то-то и наблюдая то-то, создавалось мое мнение» — такое возможно в речи только безграмотного человека.

Но пойдем далее. Во втором предложении все благополучно, в третьем мы видим малоподходящее сочетание «под его внимательном оком», зато в четвертом нас снова не могут не поразить по крайней мере сразу три вещи: «Для читателя будет открытием своеобразный образ мышления о природе, благоговейное отношение к поэтичности природных явлений, не просто созерцательных, а наталкивающих на мысль, что с такой стороны суть мы еще не узнавали». Что тут у нас? Чью же именно «суть» мы еще не знали, надо полагать, можно выбирать самим, «своеобразный образ», эдакий антиоксуморон, нас просто приятно позабавит, а вот «благоговейное отношение к поэтичности природных явлений» насторожит — а ну как не все явления окажутся поэтичными, что тогда будет с «благоговейным отношением»?

Следующее в двух предложениях подряд выражение «обратить внимание» придется отнести к стилистическим мелочам, поскольку нас ждет куда более яркий перл, на чем и завершается редакторское предисловие — речь идет о снежинках, падающих на ладонь проникновенному читателю, который «поймает летящие снежинки, рассмотрит на ладони этих «белых мух», пока они не истают, обретая новую ипостась формы, несущей уже иное содержание», конец предложения. Что мы тут видим в грамматике? Стилистический эффект от перехода винительного для неодушевленного в винительный для одушевленных (снежинки становятся мухами) кажется довольно неприятным. Едва ли тут грамматическая метафора, говорящая об изысканности стиля — этому мы не поверим и сочтем такой троп стилистической неряшливостью.

Однако объясните ради богов, с чем согласовывается «несущей»? С «формы» или «новую ипостась»? Несет ведь не форма, а «ипостась формы» в падеже винительном, тогда как «несущей» требует родительного падежа, и по синтаксическому смыслу должно быть «обретая новую ипостась [неважно там чего, скажем, субстрата], несущую» и далее по тексту, иначе к чему тут «новая ипостась», если несет все равно не она? Если же «несущей» оказывается «ипостась формы», то родительный падеж тут невозможен.

Но оставим грамматику. Сказано вроде о том, что форма в новой ипостаси несет иное со-

держание. Что ж, простим автору прекрасное желание сказать что поумнее, но никак не согласимся, что словосочетание «ипостась формы» способен кто понять, включая и самого автора. Неправда ли, читатель, нас вовлекают в теологические тонкости взаимоотношений ипостаси, формы и содержания? Или же редактор высказал, что пришло в голову, не подумав, что здесь к чему? Словом, если «ипостась формы» это не то же, что «стремительно падающий домкрат», то я не знаю, что такое «стремительно падающий домкрат». Ради справедливости прибавим, что сам г-н Яковлев, автор «Белых мух», в этом редакторском богословии вовсе не виноват. В его сочинении мы и в помине не найдем ничего, чтобы интерпретировать в столь сложных категориях.

Кажется, впрочем, логичным, что предисловие из столь претенциозных и стилистически невероятных корявых предложений как бы предупреждает — то ли еще будет! В самом деле, может ли сочинитель таких предложений быть редактором чего-либо? Разве что под стать премированной книге. К ней и приступим.

Сначала о содержании, а потом и о жанре. Содержание победившей книги никакого отношения ни к Латвии, ни к нашему времени не имеет, зато имеет отношение к беспросветно советским временам 50-х годов и на Дальнем Востоке. Книга про геологические экспедиции в приамурской тайге, а название «До первых белых мух» означает весенне-летний сезон работы этих экспедиций — до первого снега.

Похожие произведения часто встречались в журнале «Юность» в 60–70-х годах прошлого века. Авторы были молоды, никому неизвестны и писали «про геологов», чтобы держаться подальше от городского «соцреализма» и ближе к естественности и романтизму человеческих отношений. Я любил читать их вещи, будучи тогда еще школьником, и приязнь к подобным сюжетам сохранил до сих пор. Чаще всего это были повести в нескольких номерах, с рисунками-иллюстрациями прямо на страницах с текстом. Посредством такой прозы авторы и читатели пытались рефлексировать над какими-то даже экзистенциальными проявлениями человеческого характера. К этому же времени 60-х и к жанру такого же доморощенного советского экзистенциализма относится и фильм Киры Муратовой «Короткие встречи», где Высоцкий-геолог манифестирует антисоветское влечение к природе и свободе.

Правда, в нашей книге всего этого протестантизма нет, нет и рефлексии, несмотря на уверения в обратном редакторского предисловия. Полагаю, вовсе не оттого, что автор далеко не молод, поскольку был молодым именно в ту

эпоху, когда и сочинялись такие произведения. Об экзистенциалистском пафосе той поры говорит только самое первое предложение нашей книги: «Нижеописанное является пересказом записок некоего молодого человека, решившего начать жить по-своему и не в самых комфортных для себя условиях картографической экспедиции конца пятидесятых–начала шестидесятых годов». И далее в тексте никакого размышления по поводу такого жизненного порыва мы не найдем вообще. Собственно, толком не найдем и самого «молодого человека». Но тут мы должны перейти к жанру и композиции этой прозы.

Жанр нашего произведения, как уже видно из процитированного начала — фрагменты из дневника «решившего жить по-своему» юноши, о предыстории поступка которого мы не узнаем ровно ничего — то ли он недоучившийся студент института, то ли закончил техникум, из какой он семьи, откуда — словом, во всей книге никаких мотивов столь романтического поступка нет. Жанр «дневниковых записок», мы это отлично понимаем, избавляет автора от сюжетной композиции, от «держания» и развития образов героев, ситуаций и проч. и позволяет просто низывать один фрагмент на другой, не заботясь об их внутренней и даже внешней связи, ибо и такой примитивной конструкции автор не выдерживает, и один фрагмент все-таки у него «налезает» на другой — простая последовательность событий нарушается (с. 170–172). Правда, в «предисловии от публикатора» этих «дневников» сказано, что записки велись безо всякого соблюдения хронологии и автор много постарался, чтобы для публикации привести их в порядок, но мы этому не поверим — во-первых, это единственный заметный для читателя «нехронологический» фрагмент, а во-вторых, ничего не стоит вставить его на надлежащее ему место на странице 164, и вся хронология будет в порядке. В этом «предисловии от публикатора» есть и другие нелепости, но мы их оставим, с нас пока довольно и этого.

Словом, такую книгу можно продолжать до бесконечности и закончить в любом месте. Зато картонные и безликие персонажи помогают динамике внутренне никак не связанной смене событий, а жанр «пересказа записок» освобождает автора от сложности стилизации под речь от первого лица своего юного героя. А поскольку этот герой «он», то и подавать его можно отстраненно, не заглядывая в его мысли и переживания, и для читателя остается только условный силуэт, такой же безликий, как и остальные фигуры «записок». При этом нельзя не заметить в образе главного героя серьезной неувязки — ведущий записки юноша (для роман-

тической рефлексии, надо думать), несмотря на старания автора представить его чувствительным интеллигентом, почему-то периодические оказывается вульгарным. Вот, например, один из эпизодов нашего лирического героя. Дело происходит в театре, где Кукин (романтический автор записок) говорит своему приятелю о сидящей перед ними барышне: «— Володя, смотри какая аппетитная баба! — расчувствовался Кукин. — Не женщина, а бочонок шалопайки (бражки). От одного ее вида будешь пьян...» И далее, едва избежав скандала, произносит следующее: «— Ах, как нескладно получилось, — сокрушался Кукин, — и все из-за дурной привычки говорить громко, как в лесу среди деревьев» (с. 87–88). Хорош наш лирик-протестант, вероятно, это у него от чрезмерного «благоговейного отношения к поэтическим явлениям природы».

Впрочем, если ничего не знать о возрасте автора, можно подумать, что текст и был сочинен незадолго после описываемых событий, именно в начале 60-х, только в «Юности» его могли бы напечатать разве что после серьезной редактуры как молодого начинающего прозаика, у которого еще все впереди, а пока что наряду с удачными метафорами нет еще элементарной языковой культуры.

Однако что можно сказать о предполагаемом читателе? Текст набран крупным шрифтом, снабжен иллюстрациями — собственными рисунками автора, в игривой карикатурной манере, внешняя, «газетная» подача событий, примитивные, как у подростка-пэтэушника, рассуждения и убожество диалогов — вроде бы для среднего школьного возраста. Но нет, натуралистические до вульгарности эпизоды вроде вышеприведенной сцены говорят отнюдь не о школьнике. Вот еще два примера, да простит нас читатель. «Настроение у Кукина стало гадостным, словно кто-то злорадный наклонился и плюнул в его чистую, наполненную радужными мечтами еще по-детски наивную душу...» (с. 20). Заметим, что столь изысканная гамма эмоций явилась в результате благополучно окончившейся встречи с крупным зверем на охоте. Причем из текста неясно, был ли то зверь или человек: просто кто-то продирался сквозь чащу в сторону Кукина, а тот от страха выстрелил в воздух. А вот образец диалога: «...Кукину чудились темные Любины волосы, ее чувственный нос (sic!!! курсив мой — А.Р.), глаза, — она была и темнотой, и занавеской на окнах, и подушкой, и простым движением воздуха... Он увидел ее фигуру на улице, обрадовался и догнал. — Люба, тебя проводить? — с надеждой в голосе спросил он. — Зачем? — ответила она, повернув к нему разгоряченное лицо. И он остановился в недоумении. — Ну,

тогда прощай, — пробормотал он ей вслед». Каково, а? Конечно, «чувственный нос» — уже карбункул. Но стилистика... — это отрывок без купюр, и скажите на милость, как подготовлен читатель к непонятно почему разгоряченному лицу Любы и к совершенно загадочному недоумению Кукина? Вот такие у нас диалоги. И это еще цветочки, так сказать, фиалки.

В этой повести трудно найти ни одну страницу, где не встретилось бы чего-то «запоминающегося», а если учитывать пунктуацию, то таких страниц не найдешь вообще. Однако чтобы продемонстрировать все нелепости в описании событий и в диалогах, требуются развернутые цитаты — читатель же не обязан мне просто верить на слово. Но все-таки ограничимся примерами, где можно обойтись без больших фрагментов — на нашу долю хватит и так. Не стану, уж увольте, воспроизводить и невыносимо пошлые эпизоды, которыми изобилует книга, уже для собственной эстетической гигиены — оставляю это читателю. Приведу только еще один пример диалога, чтобы уж больше к этому виду художества не возвращаться: «За столом она закурила с девочками. Странно ему было видеть, как прозрачная голубая змейка выползала с кончика папиросы и жалила ей лицо...

— Не стоит курить, — заметил он.

— Мне легко приучиться к этому, — ответила она.

— Не поверю...

Ее губы лукаво растягивались в улыбке».

Что ж, про голубую прозрачную змейку действительно допустимая метафора, но «выползала с», когда надо «из», и далеко не единственный пример до абсурда невнятного убожества самого диалога свидетельствуют, что для литературных целей языковой культуры автора явно не достаточно. К кратким примерам подобного «художественного» косноязычия мы теперь и перейдем.

Вот эти избранные места:

«лицо у Ивана скривилось, словно на нем сдохла муха» (с. 38). Редкое даже для нашего прозаика счастливое сочетание низкопробного вкуса и живого воображения...

«она вошла в тальник и надолго застряла в нем, как насекомые в одежной щетке» (с. 59). Это сравнение замечательно и с грамматической стороны (аналогия единственного-множественного числа), и с содержательной, свидетельствующей о какой-то даже изощренной наблюдательности автора.

Теперь обратим внимание на изящество и тонкость другого сравнения: «тропы не было, — ее, как коврик, скатал и унес последний вор» (с. 75).

А вот уже *pes plus ultra*: «[ее] глаза смотрели на него с недоумением и испугом, словно в букетике протянутых ей цветов увидели маленького, похожего на гадюку ужа» (с. 90). Чем уж, пусть даже маленький, похож на гадюку и почему именно по этой причине он может вызвать испуг и особенно недоумение? По расцветке эти рептилии никак не похожи (было бы чересчур подозревать тут черную форму *Vipera berus* или гадюку Никольского), тем более что скорее следует пугаться гадюки, а не ужа. Сложная, удивительная метафора с неожиданной аллюзией на судьбу Клеопатры.

«Вика отставала, точно ее держала какая-то пружина» (с. 164). Похоже, это еще один «стремительно падающий домкрат». Русский литературный язык знает метафоры с противоположным значением: «пружинисто встать», «был как напружиненный» и т.п. Причем на с. 198 тот же автор сравнивает бригаду геологов с «пружиной, готовой к действию». Что ж, пусть будет разнообразие, но не в ущерб же смыслу и чувству языка.

«Короткие дни слились в один, точно обрезанное платье, день» (с. 203). Как тут вместе с платьем оказался день и в чем прелесть аналогии, мне так и не стало понятным.

А вот примеры синтаксического и стилистического свойства (про пунктуацию уже и не говорим, она просто кошмарная):

«первые контакты с ним [с одним из персонажей] показали Кукину клоунскими штучками, не предвещавшие в будущем ничего хорошего» (с.12). Невинное несогласование в падеже.

«Хотелось снять с тела мокрую одежду и сапоги, взять кружку горячего чая и спать, спать...» (с. 57). Без комментариев. Поупражняться в остроумии предоставляю читателю.

«Ветер раскачивал деревья, стряхивая с них капли, тащил промозглую ветошь тумана и с ним заскакивал под плащ-палатку» (с. 70). Случай посложнее: «с ним» надо полагать «с туманом», а не с «промозглой ветошью тумана», что следовало бы из нормального прочтения.

«И все это, соединяясь с грустными нотками, звучащими внутри Кукина, превращались для него в странную авангардистскую музыку» (с. 78-79). Снова несогласование, отмечаю уже по инерции.

«К поселку через реку можно было пройти по «плотине», устроенной для сплавки леса. Теперь в ее отверстие, как в проран, неся белый ревущий поток. Два других, послабее, обтекали «плотину» и входили в него, как руки в карманы, и вот тут с большой осторожностью можно было переправиться» (с. 129). А вот этого периода я так и не понял. Даже нарисовать пытался

и «плотину» (смысл кавычек остался тайной), и «проран» (неологизм, господа!), но ни к чему не пришел.

«Обледеневший сигнал [вероятно, геодезическое сооружение, г-н Яковлев до такого рода пояснений нигде не снисходит] возвышался над заснеженным лесом огромной стеклянной этажеркой, и такой же казалась ведущая в него лестница. Казалось, не одну неделю, пытаясь оживить природу, бегала по ней орава архангелов в белом, но, бросив склянки, умчалась, и теперь они с противным хрустом сыпалось из-под рук и ног Кукина» (с. 205). Не пытался даже и рисовать, сразу ясно, что бесполезно, зато несогласование узнал уже как родное. И далее на той же странице:

«Не зря отсюда бежали архангелы, — нечего им тут делать, в этой ледяной пустыни». Увы, склонен видеть тут ошибку в падежном окончании, нежели слово «пустынь». Предыдущие грамматические подвиги нашего автора к этому подводят.

Перейдем, наконец, и к самым тяжким грамматическим преступлениям, бесповоротно ставящим Г.А. Яковлева вне литературного языка. Вот он, этот печальный перечень, почти без пояснений (далее везде курсив мой — А.Р.):

«внутри *его*» (с. 44);

«игрался» в значении «играть с чем-то или чем-то» (с. 52) и то же в речи персонажа (с. 167), что было бы объяснимо, не будь того же и в речи самого автора;

«[упавшие деревья] лежат в зарослях орешника, колючей аралии и молодой поросли, перевитой и перепутанной лимонником и «кишмишом»» (с. 122);

автор не различает и путает «надеть» и «одеть» (с. 102, с. 169), тоже находим как в речи персонажа, на сей раз у главного героя, так и в речи автора;

«[у телогрейки] передние полы сгорели, а задние свисали *на подобие* фалд» (с. 181);

«к нему вместе с *безисходностью* подкрадывалась болезнь» (с. 196);

«но Кукин имел *ввиду* не старуху, а свой неудачный поход» (с. 200), ошибка уровня основной школы;

«[в ночное небо] красными змейками увивались искры [костра]» (с. 72, с. 201), в русском языке у слова «увивались» такого значения нет ни в каких контекстах.

Что тут скажешь... Такой прозаик не сможет написать и школьного сочинения. Читатель теперь видит, что мы нисколько не преувеличивали, предупреждая об ожидающих нас коллапсах изящной словесности. Однако главная цель нашей демонстрации все-таки не Г.А. Яковлев с

его произведением; повторимся — как может, так и сочиняет, для себя и друзей, которым приятно, что они знакомы с писателем. В этом Г.А. не одинок, и это хорошо. И мне приходилось знать таких писателей. Вот вам пример: 1995 год, тоже Рига, сборник стихов где-то аж за двадцать лет сочинительства. А вот и сами стихи:

Борьба добра и зла во мне
В душе зубцы жестоко огранила.
Но все равно приду к тебе,
Дух космоса — добра и силы!

Мне трудно справиться с суровым,
Что силы зла справляют грозный пир.
Добра победа вечная — в бореньи
За душу, веру и сердец гранит!

Автор (оставим его инкогнито) — инженер, кандидат наук. Книжечку стихов издал за свой счет и раздавал друзьям с дарственной надписью, в том числе и мне: «На память Алексею от автора». При этом он отлично видел всю неумелость своих виршей и ни на какие поэтические сопоставления не претендовал, о чем и предупреждал заранее. И очень хорошо, что кроме заботы о карьере и зарабатывании денег этот столь занятый человек уже много лет что-то сочиняет. Но вот ежели он принесет свои опусы куда-нибудь для публикации или получит за них литературную премию, тогда и будем над ними смеяться.

Но вернемся к нашему сюжету. Главная цель нашего повествования вовсе не кошмарные достоинства рецензируемой книги, нет, а само печальное событие литературной премии за 2009 год от фонда имени Долгорукова, а если еще точнее, деятельность экспертной комиссии, такой книге эту премию присудившей. Вот кто настоящие герои нашей рецензии, и набросились мы на книгу Г.А. Яковлева только по этой причине. Кто же они, эти судьи? В «Литовском курьере On-line» читаем «Представленные на конкурс произведения проходят строгий отбор регионального балтийского Координационного совета во главе с профессором Ириной Белобровцевой (Таллинн). В работе совета принимают участие писатели, литературные критики и литературоведы Латвии, Литвы и Эстонии. Отобранные номинации оцениваются авторитетным московским жюри. Среди его членов — известный критик и литературовед Лев Аннинский, первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко, главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе, первый секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей

России Максим Замшев и другие».¹ Прикажете думать, что перечисленные лица «и другие» не умеют читать и так же далеки от литературы, как их не умеющий писать литературный призер? А чем прикажете объяснить такой выбор, нежели именно равнодушием к «художественным традициям русской литературы и русского языка»? Или господа, верно, полагают, будучи сами личными литературоведами и литераторами, что мы в Латвии вполне достойны столь высокого по их мнению образца изящной словесности. Позвольте это расценивать как личное оскорбление... Уверен, ко мне присоединятся многие.

Когда кому-то указывают на ошибки, а он хочет оставаться и человеком порядочным, и специалистом серьезным, как он поступает? Правильно: говорит спасибо и исправляется как может. Поэтому если наши замечания о достоинствах прозы лауреата 2009 года верны хотя бы вполтину, то редакция Альманаха ждет

благодарственных писем от всех виновников этого грустного происшествия с обещанием исправиться и впредь такому «вкладу в развитие художественных традиций русской литературы и русского языка в зарубежных странах» не содействовать. Ни в Латвии, ни где-нибудь еще.

А теперь обещанный анекдот времен, если не ошибаюсь, Аверченко и Саши Черного. Начинающий автор приходит в редакцию и просит совета — сочинил рассказ, а название придумать не смог. Опытный редактор ему: — Нет ничего легче! В твоём рассказе что-нибудь о трубах есть? — Нет, — отвечает автор. — А о барабанах? — Тоже нет. — Ну так и назови: «Без труб и барабанов».

Ну вот, теперь хоть название оправдали, а то нельзя же без названия, неловко. Все утешение, хоть запоздалое — мог ведь гораздо умнее и интереснее потратить силы и время. Но тут уже виноват я сам.

¹ <http://www.kurier.lt/?r=16&a=4794>